

Дань Чао взглянул на наследного принца и заметил, что на лице этого самого знатного юноши империи появилось уныние, совершенно не соответствующее его возрасту. Подумав, он утешил, — Не предавайся лишним мыслям. К счастью, всё закончилось благополучно.

— К счастью, — с усилием повторил Ли Хун и холодно произнёс, — Всё закончилось благополучно только благодаря тебе, брат Дань Чао. Будь на моём месте я, беспомощный и скованный со всех сторон, чем бы я мог её спасти? Наследный принц — существо абсолютно бесполезное!

Эти слова были крайне непочтительны, и Дань Чао тут же одёрнул его, — Ваше Высочество!

Наследный принц резко замолчал.

Неловкая атмосфера висела в воздухе несколько мгновений, прежде чем принц, словно в сердцах, выпалил, — Я ничего не могу поделать. Впредь буду держаться от неё подальше и не обращать на неё внимания — на этом всё и закончится!

Дань Чао действительно был сильно пьян, и в его сознании мелькнула абсурдная насмешка, которая невольно прорвалась в его словах, — Если Ваше Высочество и вправду так думает, то, пожалуй, стоит ни с кем не сближаться и ни на кого не обращать внимания. Тогда вы никому не навредите и проживёте жизнь в чистоте?

Ли Хун замер в оцепенении.

— Испытывать стыд из-за временных обстоятельств и собственного бессилия — это одно, — не задумываясь, продолжил Дань Чао, словно эти слова уже давно были запечатлены в его памяти и теперь естественным образом обрели звучание, — Но если в сердце нет даже желания что-либо предпринять, если лишь пассивно отступать, то куда можно отступить в конце концов? Просторы страны и небесные земли безграничны, но место, куда может отступить один человек, ограничено лишь пядью пространства. Если отступить даже от той ответственности, что должен нести, то в конце концов останешься лишь ждать смерти с опущенными руками. Разве такая смерть не будет ещё более жалкой?

Наследный принц остолбенел. Дань Чао тоже немного опешил.

В тот миг в его голове смутно и нечётко промелькнуло нечто, словно знакомый, леденящий, высокомерный голос произнёс у него в ухе те же самые слова.

... Десять тысяч ли рек и гор, простой народ и алтари предков — но место, куда ты можешь отступить, ограничено лишь пядью пространства! В конце концов ты не только сам будешь ждать смерти с опущенными руками, но и поволокешь в ад всех, кто стоит за твоей спиной...

С этого мгновения ты можешь двигаться только вперёд. Даже смерть должна встретить лицом к лицу. Позади тебя уже давно нет пути для отступления!

... — Губы наследного принца задрожали, он, казалось, не мог издать ни звука. Лишь спустя несколько мгновений он хрипло проговорил, — Но... но я...

Он резко замолчал. Бледность на его лице постепенно сменилась иным пониманием, в его глазах появилась твёрдость, которой прежде не было, — Ты... ты прав. Я наследный принц. Как я мог иметь такие жалкие мысли?

Он спрыгнул с перил, повернулся к Дань Чао и серьёзно сказал, — Одна беседа с тобой стоит

десяти лет учёбы. В последние дни чередой шли неудачи, и я, Ваш подданный, зашёл в тупик. К счастью, брат Дань Чао дал мне наставление. Теперь я понял, как следует поступить.

Мысли Дань Чао были в смятении, он не сразу нашёл с ответом, как вдруг увидел, что Ли Хун слегка поклонился, развернулся и большими шагами направился к концу длинного коридора.

Когда он пришёл, то бежал бегом, но теперь его шаги были быстрыми и твёрдыми. Уже по спине было видно, насколько он изменился.

Дань Чао в некоторой растерянности проводил его взглядом, и в его сознании словно возник ещё один силуэт — взгляд молодого человека сквозь множество похороненных и скрытых воспоминаний глубоко смотрел на него самого, в глазах — ничем не прикрытое разочарование, решимость и готовность сжечь мосты. Затем тот повернулся и пошёл вдаль, даже не оглянувшись. Под палящим солнцем собранные в пучок длинные волосы, окутанные плащом, развевались со свистом, постепенно растворяясь в глубине бескрайних жёлтых песков.

Грудь Дань Чао вздымалась, и он хрипло прошептал, — ... Учитель.

Он запрокинул голову и допил последний глоток вина, затем швырнул флягу и взметнулся на карниз крыши. Ступив на черепицу с лёгкостью гусяного пуха, он лишь слегка оттолкнулся.

Даже будучи настолько пьяным и опустившимся, этот прыжок можно было назвать стремительным, словно взлёт сокола. Он не поднял даже пыли с черепицы. Казалось, он, подобно хищной птице, пронёсся по воздуху и направился напрямик к Чертогу Прохлады.

Чертог Прохлады, боковой зал.

Дань Чао простоял неподвижно под оконной рамой почти полчаса.

Чертог Прохлады изначально был резиденцией императрицы. В последние дни императрица У, сопровождая императора, слушала беседы приближённых сановников и не выходила из Чертога Цяньтай, поэтому в Чертоге Прохлады, оставшемся без хозяйки, большая часть помпы исчезла: не было видно ни придворных дам, ни евнухов. В послеобеденное время, во время смены караула, стражников было немного, изредка вдали проходили патрули. Благодаря мастерству Дань Чао, даже в состоянии опьянения, он мог легко избежать их.

Но он не знал, стоит ли ему открывать дверь и входить.

Он словно снова вернулся в ту лунную ночь, когда рука Се Юнья тяжело легла ему на плечо, и он не мог ни войти, ни отступить.

Чем же занимался Се Юнь?

Сидел без дела во внутреннем дворе, читал книги и пил чай?

Или же ему прислуживала красавица, добавляющая благовония в курильницу... наслаждался нежным ароматом и тёплым нефритом?

Дань Чао был ещё слишком молод, полон юношеского пыла, и хмель, поднимавшийся из глубин его мозга, заставлял его терять контроль над собственными мыслями.

Он инстинктивно покачал головой, пытаясь развеять возникшие в сознании картины. Ревность, смешанная с яростью, поднялась в его сердце. Дань Чао стиснул зубы, выхватил меч из ножен и остриём, просунутым в щель оконной рамы, поддел внутреннюю нефритовую защёлку. Та с тихим щелчком открылась, и окно бесшумно сдвинулось, образовав узкую щель.

Дань Чао двумя пальцами приоткрыл угол окна, заглянул внутрь и обнаружил, что изнутри окно завешано плотной портьерой, не пропускающей ни единого луча света снаружи.

...

Дань Чао нахмурился, приоткрыл портьеру ещё на тончайшую щелочку и увидел, что в тёмном зале мерцает тусклый свет, но рассмотреть что-либо было невозможно.

Среди бела дня... что же он может там делать?

Кровь в жилах Дань Чао, казалось, застыла. Он чуть не стиснул зубы, развернулся и ушёл, но не мог себя заставить. Он простоял неподвижно на месте несколько долгих мгновений.

Неподалёку донёсся крайне тихий шум — патрульные стражники снова возвращались. Теперь у него не оставалось времени на раздумья.

Дань Чао и сам не знал, что им двигало. В тот миг, когда он поднял ногу, он уже считал себя безумцем, но остановиться, развернуться и уйти он тоже не мог. В мгновение ока он уже перевалился через подоконник в зал, тут же захлопнул за собой окно и опустил портьеру как раз в тот момент, когда стража повернула за угол коридора.

Дань Чао глубоко выдохнул, поднялся и осмотрелся в зале.

И тут же замер.

В зале стояла широкая кушетка. Се Юнь сидел на ней боком к нему, скрестив ноги, с закрытыми глазами и обнажённым торсом.

По логике, с такого расстояния трудно разобрать, открыты глаза или закрыты, но ресницы у Се Юня были очень длинными, и когда он смыкал веки, они образовывали явно выраженную дугу. Дань Чао даже мог рассмотреть лёгкую тень, которую их кончики отбрасывали на крылья носа.

Его длинные волосы были стянуты голубой лентой на затылке, а несколько непослушных прядей свисали у висков. Волосы и кожа контрастировали друг с другом: чёрное становилось ещё чернее, а белое — ещё белее. Он напоминал статую, которая благодаря необычайно резкой работе резца казалась изысканно прекрасной и высокомерной.

Бровь Дань Чао дёрнулась, и вспыхнувшее в глубине души пылкое, фривольное желание было грубо подавлено.

В сумрачном воздухе вокруг Се Юня медленно извивались несколько бледно-голубых светящихся полос. Смутно угадывались тигриные усы, грива, хвост, чешуя и рога — словно несколько призрачных...

Лазурных Драконов!

Сердце Дань Чао заколотилось, но он силой заставил себя успокоиться. Медленно поднимаясь по ступеням зала, он тихо позвал, — Учитель?

Се Юнь не шелохнулся.

— Учи... Се Юнь?

Ответа снова не последовало.

Под глазами Се Юня лежали тёмные круги, лицо выглядело измождённым и усталым, будто он не спал несколько дней и ночей. Дань Чао протянул руку и почувствовал, что дыхание Се Юня крайне слабое, но при более внимательном ощущении — очень ровное, не похожее на угрожающее жизни.

... Он выполняет практику? Или лечит раны?

Если верно последнее, то неужели он получил какое-то ранение?!

Дань Чао опустился на одно колено перед Се Юнем, протянул руку, чтобы нащупать его запястье, лежащее на колене, и проверить пульс. Однако в тот миг, когда его пальцы коснулись кожи Се Юня, сгусток светового сияния внезапно налетел на него, в воздухе превратился в голову дракона и яростно устремился на Дань Чао!

Дань Чао инстинктивно поднял руку, чтобы защититься, и тут же ладонь коснулась драконьей головы. Небесно-голубое сияние растаяло, словно вода, и обволакивающе окутало всё его тело.

— Се...

Голос Дань Чао оборвался. Леденящий до костей холод просочился сквозь сияние, проник во внутренние органы, а затем поднялся к мозгу, пробуждая из глубин бесчисленные мелькающие, пожелтевшие картины.

Эти фрагментарные сцены, кадр за кадром, словно калейдоскоп, проносились перед его глазами. В этот миг тёмный зал рассыпался на части в пустоте, и перед глазами Дань Чао мелькнуло зрелище, невероятно схожее с нынешним.

В низкой глинобитной хижине юноша сидел у края лежанки и хмуро, пристально смотрел на молодого человека, погружённого в сон на лежанке.

Дань Чао уставился на знакомое лицо юноши, и дрожь пробежала по его позвоночнику...

<http://bllate.org/book/15578/1387300>